

Яблоновская Н.В.

КРЫМ В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ И.А. БУНИНА.

Бунин неоднократно бывал в Крыму, и эти поездки оставили неизгладимый след в его творчестве. Влияние крымских периодов в жизни Бунина на его прозу и особенно поэзию до сих пор не было достаточно изучено. Сам поэт придавал большое значение своему знакомству с Крымом. Так, редактируя статью П.А. Нилуса "Ив. Бунин и его творчество", Бунин вписал Крым в список мест, пребывание в которых наиболее сильно повлияло на формирование его таланта: "После Орловской губернии, родины поэта, севера, жителя в Полтаве, Крым (вписано Буниным – Н.Я.), Одесса показали прирожденному колористу, влюбленному в жизнь, необыкновенными...". Далее и сам П.А. Нилус отмечает: "После первых поездок в Одессу, Крым, потом на Восток, начинается замечательная пора в его (Бунина – Н.Я.) творчестве"ⁱ.

Крымские морские и горные пейзажи становятся неотъемлемой частью его лирики, в которой выделяется целый ряд "крымских" стихотворений. Мы считаем "крымскими" те стихотворения, в названии или датировке которых Бунин указывает (или указывал при первых публикациях) на их соотнесенность с Крымом, например: "В крымских горах", "Учан-Су", "Далеко за морем..." (первоначально входило в цикл "Крым. Отрывки из дневника"), "Багряная печальная луна..." (впервые опубликовано под заглавием "На окраинах Сиваша"), "Жена Азиса" (в эпиграфе: "Древнее, симферопольское"), "На поднебесном утесе, где бури..." (Крым, 1889 г.) и т. д. Сюда также примыкают стихотворения, в тексте которых содержатся крымские топонимы, этнонимы и т.п. Например, стихотворение "Кипарисы": "Пустынная Яйла дымится облаками..."ⁱⁱ.

Связь других стихотворений с крымскими впечатлениями Бунина необходимо доказывать с помощью его дневниковых записей, писем, прозаических произведений. Так, С. К. Дароянⁱⁱⁱ включает в список стихотворений, которые можно отнести и к Крыму, и к Кавказу, стихотворение "Все море, как жемчужное зеркало...", однако есть основание считать его "крымским" в соответствии с дневниковой записью Бунина о его пребывании на даче А. П. Чехова: "Крым, зима 1902 г. Чайки... как поплавки...(ср. в стихотворении: "Вот чайка села в бухточке скалистой, как поплавок")^{iv} Море серо-лиловое, зеркальное...". Мы их тоже относим к "крымским".

Самые первые из "крымских" стихотворений – "На поднебесном утесе, где бури...", "На юге", а также стихотворения, составившие в первом поэтическом сборнике Бунина "Стихотворения 1887-1891 гг." (Орел, 1891) цикл "Крым. Отрывки из дневника": "В Крыму", "Светает... Над морем, под пологом туч...", "У Байдар, на прибрежной скале...", "Далеко за морем..." – навеяны воспоминаниями о первом пребывании поэта в Крыму 13-15 апреля 1889 г. В июне 1896 г. Бунин вторично посетил Крым, а в сентябре 1898 г. он провел здесь медовый месяц со своей первой женой А. Н. Цакни. С тех пор он стал приезжать сюда ежегодно (а то и по несколько раз в год) вплоть до 1903 года, после чего он побывал в Крыму еще трижды: в апреле, в сентябре-октябре 1905 г. и в августе 1912 г. Всего Бунин был в Крыму 14 раз, и параллельно этим поездкам в его лирике развилась крымская тема, которую он не оставил и после того, как поездки в Крым прекратились: одним из его немногих стихотворений, написанных в эмиграции, было "крымское" – "Земной, чужой душе закат!..." .

Крымские впечатления Бунина отразились и в прозе – рассказах "На перевале", "В ночном море", "С высоты", "В Альпах", "Алупка", "Темир-Аксак-хан", "Ущелье", "Пингвины", "Крым" и в романе "Жизнь Арсеньева". В Крыму были написаны рассказы "Сосны" и "Маленький роман".

В Крыму Бунин открыл для себя Восток, который навсегда пленил его. "Все мои путешествия, – признавал он, – там, в этих погибших странах Востока и Юга, в области

мертвых, забытых стран, их руин и некрополей..."^v. Возможно, здешним знакомством с мусульманством вызвано желанием писателя посетить Константинополь и увлечение исламом, который вошел глубоко в его душу.

Восток для писателя – это не только определенная территория, это еще и время – прошлое человечества, уходящее в вечность. В данном случае перемещение в пространстве (на Восток) для Бунина равносильно путешествию во времени. В Крыму Бунин впервые лицом к лицу столкнулся с прошлым: гробницы, курганы, древние руины погибших городов. Древность всегда олицетворяет собой у Бунина Вечность и противостоит сиюминутному настоящему, прошлое как бы символизирует утраченную гармонию. Любимая автором "Жизни Арсеньева" тема вечности находит неисчерпаемый источник в истории Крыма, представляющей собой сплетение древних культур. Не случайно в произведениях Бунина появляются пещерные города – отголоски посещения им Чуфут-Кале и Сюрени ("Жена Азиса", "Крым", "Не слышать еще тяжкого грома за лесом..."), татарские курганы, хранящие тайну славы мирской ("Здесь покоится хан, покоривший несметные страны...", "Любил он ночи темные в шатре...", "В крымских горах", "Темир-Аксак-хан").

Сама крымская природа напоминает поэту о вечности. Уже в одном из первых "крымских" стихотворений, "На поднебесном утесе, где бури...", читаем: Пью, как студеную воду,

.....

Вечность, летящую тут^{vi}.

Среди излюбленных Буниным символов вечности (звезды, курганы, небо, тишина) появляется знакомый ему по южному берегу Крыма кипарис (стихотворение "Кипарисы"), а также море, которое он впервые увидел в Севастополе. Описывая этот эпизод в "Жизни Арсеньева", Бунин подарил своему герою ощущение довременности морского шума. "Довременную хлябь" моря он противопоставляет "радостям всей этой жизни бременной" и в стихотворении "Уныние и сумрачность зимы...".

Непрерывное движение моря становится для Бунина-поэта символом непрекращающейся временной цепи, подобием индийской кармы (у Бунина – сансары), ее ритма. Жизнь, по Бунину, постоянно движется, как и море, оставаясь неизменной в своей основе. Истинное движение жизни не линейное, а циклическое. Ритм моря воспроизводит ритмика бунинских стихотворений ("Набегают впотьмах...", "Золотой невод"), а смена его фаз подчеркнута поэтом графически (прилив – длинная строка, отлив – короткая).

Характерно, что и проза у Бунина при описании моря становится ритмизированной: повторы однородных членов, союзов, частиц имитируют движение волн: "Я выходил иногда под ворота: край земли и кромешная тьма, крепко дует пахучим туманом и холодом волн, шум то стихает, то растет, поднимается, как шум дикого бора... Бездна и ночь, что-то слепое и беспокойное, как-то утробно и тяжело зовущее, враждебное и бессмысленное..."^{vii}.

В Крыму в молодые годы Бунин особенно остро переживал одиночество, и природа казалась ему единственным союзником человека в бесприютном мире, родственной душой, сопереживающим началом. Уже в ранних "крымских" произведениях писателя ярко проявился его пантеизм: человек неизбежно одинок среди людей, но он может раствориться душой в небе, горах, пении дроздов. Природа для него не фон человеческой деятельности, но целый мир, такое же творение божье, как и человек, пронизанный искрой божественной тайны. В рассказе "С высоты" Бунин пишет: "Как всегда, в лучшие мгновения моей жизни, я был один. И если бы я заплакал горячими слезами страстной скорби, никто бы не увидел моих слез. И если бы я крикнул дико и ве-

село, как молодой орел – от страстной радости жизни, никто не ответил бы мне на этот крик, кроме звонкого и жуткого голоса природы – горного эха"^{viii}.

Эта же мысль присуща и другому рассказу Бунина – "В Альпах", по мнению В. Титовой, описывающем не столько природу Альп, сколько горы Крыма, по которым он, по его выражению, "много странствовал" в период написания рассказа. Вполне возможно, что образ увиденного ранее альпийского пейзажа наложился у него на впечатления от крымских гор, однако чувства и переживания героя рассказа "В Альпах" те же, что и у героя рассказа "С высоты", и у самого Бунина, который в 1896 г. в дневнике записал: "Летом я уехал в Крым. Ни одной живой души там не было... Я ушел на Аю-Даг. Без конца шел по его лесистым склонам вверх, достиг почти до его вершины и среди колючих кустов лег в корявом низкорослом лесу на обрыве над морем. Было предвечернее время <...> Кругом <...> беззаботными переливами, мирно грустными, сладкими, чуждыми всему нашему человеческому миру, пели черные дрозды, – в божественном молчании южного предвечернего часа, среди медового запаха цветущего дрока и девственной свежести морского воздуха. Я лежал, опершись на локоть, слушая дроздов, и цепенел в неразрешающемся чувстве той несказанной загадочной прелести мира и жизни, о которой немолчно говорило в тишине пение дроздов"^{ix}. Те же мысли и переживания отразились и в "крымском" стихотворном наброске 1900 г. в записной книжке поэта^x.

Необходимо отметить, что для Бунина Крым – место легендарное, но не экзотическое. Воспоминания отца, участника Крымской кампании, "Севастопольские рассказы" Л.Н. Толстого "оживили" наследственную, генетическую память писателя и обусловили его отношение к Крыму как к своей, родной земле.

Например, впервые увидев море, Бунин "узнал" его. Это ощущение он передал Алексею Арсеньеву: "Из-за диких лесистых холмов впереди вдруг глянуло на меня всей своей темной громадной пустыней, поднявшейся в небосклон, что-то тяжело-синее, почти черное, влажно-мглистое, еще сумрачное, только что освобождающееся из влажных и темных недр ночных, – и я вдруг с ужасом и радостью узнал его. Именно – вспомнил, узнал!"^{xi}. А во вновь отстроенном Севастополе писатель нашел приметы того города, который когда-то видел его отец. Точно так же и в "Жизни Арсеньева" наследственная память главного героя безошибочно распознает родное: "Только там, за этой зеленой водой было нечто отцовское – то, что называлось Северной стороной, Братской могилой; и только оттуда веяло на меня грустью и прелестью прошлого, давнего, теперь уже мирного, вечного и даже как будто чего-то моего собственного, тоже всеми давно забытого"^{xii}.

Крым в жизни Бунина – это легендарная земля, олицетворяющая собой и героическое прошлое его рода, неразрывно связанное с историей России, и вечность, и райскую гармонию жизни. Но это еще и неиссякаемый источник его поэтического вдохновения на многие годы.

ⁱ Литературное наследство. – Т.84. Иван Бунин. – М.: Наука, 1973. – кн.2. – С.430,432.

ⁱⁱ Бунин И.А. Собрание сочинений в 9 т. – М.: Художественная литература, 1965-1967. – Т.1. – С.103.

ⁱⁱⁱ Дароян С.К. Бунин и Кавказ // Связи армянской литературы с литературами народов СССР. Вып.1. – Ереван, 1975. – С.120.

^{iv} Бунин И.А. Указ. соч. – Т.1. – С.214.

^v Там же – Т.9. – С.365.

^{vi} Там же – Т.1. – С.67.

^{vii} Там же – Т.4. – С.177.

^{viii} Там же – Т.2. – С.447.

^{ix} Там же – Т.9. – С.347-348.

^x Литературное наследство. – Т.84. Иван Бунин. – М.: Наука, 1973. – кн.1. – С.227.

^{xi} Бунин И.А. Указ. соч. – Т.4. – С.175-176.

^{xii} Там же – Т.4. – С.176-177.